

Крапивкина Ольга Александровна

[К ПРОБЛЕМЕ ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/29.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 76-79. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Рассмотрим теперь возможности перевода на немецкий язык единиц, отражающих менталитет героя.

«*Радость моя! Пупырышка моя!*» - так ласково называет он свою внучку. Выражение «*Радость моя*» заменяем в переводе на типично немецкое «*Mein Schätzchen*».

«*Пупырышка*», это на наш взгляд, неожиданное и оригинальное обращение к ребёнку, переводим немецким «*Fröschlein mein*», поскольку в обоих словах (*пупырышка* и *Fröschlein*) ведущей является сема «маленький, крошечный». Для русского читателя такое обращение (*Fröschlein* = *лягушонок*) было бы весьма неожиданным, поскольку с лягушкой связано что-то холодное и неприятное. Однако ранее в одном немецком тексте нам уже встречалось слово *Frosch* в качестве имени, придуманного юной девушкой для крохотного котёнка. Поэтому, как нам кажется, *Fröschlein mein* способно адекватно передать умиление героя.

Перевод лексических единиц, называющих вкусовые пристрастия героя, не представляет никаких трудностей, за исключением уменьшительных форм: *пивко, водочка, коньячок*. Данные формы отражают отношение героя к этим напиткам и, соответственно, его менталитет. Мы не можем передать их иначе, кроме как немецкими *ein Bierchen, ein Gläschen Wodka, ein Gläschen Kognak*. В двух последних случаях нам приходится вводить дополнительное слово *Gläschen*.

При передаче названий яств мы не встретили переводческих трудностей и нашли, как нам кажется, полные эквиваленты в немецком языке.

Фразу «*Эффектная вещь!*» мы посчитали возможным перевести как «*Tolles Ding!*», поскольку *toll* предполагает очень высокую степень положительной оценки.

Нам кажется, что выражение «*ничтоже сумнящся*» утрачивает в переводе - *ohne mit der Wimper zu zucken* - свою насмешливую окраску. Более подходящего эквивалента мы, однако, не нашли.

Отмеченные две грани менталитета героя причудливо переплетаются в его поступках и в его отношении к людям и вещам. При этом в большинстве случаев перевод соответствующих русских единиц данного рассказа на немецкий язык не составил значительных трудностей.

Список литературы

1. **Пантелеев Л.** Собрание сочинений: в 4-х т. Л., 1972. Т. 3.
2. **Die Zeit:** das Lexikon in 20 Bänden. Hamburg-Mannheim, 2005. Bd. 09.
3. **Dinzelbacher P.** Zur Theorie und Praxis der Mentalitätsgeschichte // Ders. (Hrsg.). Europäische Mentalitätsgeschichte. Stuttgart, 1993.
4. **Nayhauss H.-Chr. Graf von.** Deutsche und fremdkulturelle Gegenwartsliteratur. Omsk-Karlsruhe, 2000.

УДК 81'42

Ольга Александровна Крапивкина

Иркутский государственный лингвистический университет

К ПРОБЛЕМЕ ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА[©]

Вопрос об исчезновении субъекта из дискурса впервые был поставлен в рамках философского направления XX века - постмодернизма, основные теоретические постулаты которого связаны с критикой и переосмыслением классических представлений о субъекте и субъективности.

В своей работе «Что такое автор?» М. Фуко начинает формулировку данной темы с цитаты Беккета: «Какая разница, кто говорит, - сказал кто-то, - какая разница, кто говорит» [8, с. 15]. В этом безразличии и проявляется устоявшийся тезис о том, что, начиная с XX века, субъект дискурса исчезает.

С точки зрения постмодернизма, само использование термина "субъект" - не более чем дань классической философской традиции: как пишет Фуко, так называемый анализ субъекта на деле есть анализ «условий, при которых возможно выполнение неким индивидом функции субъекта» [Там же, с. 7].

Трактовка «смерти субъекта» воплощается не только в стирании всех его индивидуальных характеристик, и представляет собой полное освобождение текста от власти автора и полное освобождение автора от ответственности за свое произведение; но фактически является особым приемом самоустранения, самоликвидации, который используется самим же автором в целях создания собственного имиджа и закрепления значимости своего имени.

По выражению Р. Барта, который специфицировал термин «смерть субъекта» применительно к тексту, «что касается Текста, то в нем нет записи об Отцовстве» [2, с. 388]. Барт подчеркивает, что с удалением автора преобразуется весь современный текст, который теперь создается и читается так, что автор на всех его уровнях устраняется. По мнению Барта, первые попытки устранения автора были связаны с лингвистическим поворотом, произошедшем в философии в начале XX века, и необходимостью поставить безличное безымянный язык на место говорящего.

«Текст становится самодостаточным», - пишет Барт, - «ему не мешает отсутствие адресанта, следа, отавленного им, он отрывается от своего отправителя и продолжает воздействовать по ту сторону его жизни». В рамках данного подхода на смену понятию "автор" постмодернистская философия выдвигает понятие скриптора, снимающее претензии субъекта на статус производителя или хотя бы детерминанты текста.

Характеризуя коммуникацию постмодерна, И. А. Мальковская задается вопросом почему «Кто говорит» всегда не очевидно и склонно к бесконечной редукции, к превращению во множество безликих «кто», скрытых за «что»? [4, с. 13]. Разрешая его, она приходит к выводу, что «по одну сторону коммуникации в современном мире вместо сознания адресанта стоит НЕЧТО обезличенное, а по другую - вместо сознания адресанта - «фрагменты душ» [Там же].

Постмодернизм и деконструктивизм предприняли всевозможные меры в плане устранения «ненужной» фигуры, именуемой субъектом, избавившись от него как от реальной личности, стоящей за текстом, так и от его предполагаемых интенций, помещенных в самом тексте. В эпоху постмодерна народился новый тип безликого носителя информации, противоположный лицу говорящему, производящему свои действия здесь и сейчас, несущему личную ответственность за них. Это - "безличное ... поле, не имеющее формы синтетического сознания личности или субъективной самоотжественности" (Делез) [Цит. по: 6, с. 112].

Таким образом, исчезновение субъекта из дискурса постмодерна является широко признанным фактом, о котором свидетельствуют исследования, проводимые учеными разных направлений и школ.

На фоне изложенного выше краткого анализа целесообразно, на наш взгляд, обратить внимание, на тот факт, что исчезновение субъекта из законодательного дискурса датировано гораздо более ранним периодом и детерминировано, исходя из анализа истории становления законодательного дискурса, факторами иного порядка.

Причины отсутствия субъекта в законодательном дискурсе в его традиционном классическом понимании уходят корнями в далекое прошлое и значительно отличаются от тех причин, которыми М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Р. Барт и другие представители постмодернизма пытались объяснить деперсонализацию дискурса постмодерна.

Исходя из проанализированных нами источников права, об убывании субъекта из законодательного дискурса можно говорить начиная с XIII века. В более ранний исторический период эксплицитный субъект является, как было установлено, неотъемлемой характеристикой законодательных текстов. Подтверждением этому является Хартия Вольностей (Charter of Liberties), датируемая 1100 годом, автором которой считают короля Генриха I. Приведем в качестве примера фрагмент Хартии, переведенный на современный английский язык:

I, Henry, by the grace of God having been crowned the King of England, shall not take or sell any property from a Church upon the death of a bishop or abbot, until a successor has been named to that Church property. I shall end all the oppressive practices which have been an evil presence in England. Any baron or earl who wishes to betroth his daughter or other women kinsfolk in marriage should consult me first, but I will not stand in the way of any prudent marriage. Any widow who wishes to remarry should consult with me, but I shall abide by the wishes of her close relatives, the other barons and earls. I will not allow her to marry one of my enemies. Any wife of my barons, who becomes a widow shall not be denied her dowry.

Используемые здесь такие лексико-грамматические средства, как дейктическое местоимение *I*, имя собственное *Henry*, местоимения *me* и *my* указывают на персонафицированность дискурса.

Однако вследствие ряда исторических событий законодательный дискурс начинает постепенно склоняться к децентрации субъекта. В 1215 году под давлением восставших баронов король Иоанн Безземельный подписывает грамоту, получившую название Великая хартия вольностей, ограничившую власть монарха в Англии. В результате в Англии появляются такие правовые акты, как парламентские статуты. Процедура издания статута предусматривала выработку предложений нижней палаты (билль). Затем билль, одобренный лордами, направлялся на подпись королю. Йорский статус 1322 г. гласил, что все дела, "касающиеся положения сеньора нашего, короля... и ... положения государства и народа, должны обсуждаться, получать согласие и приниматься в парламенте нашего господина короля и с согласия прелатов, графов, баронов и общины королевства" [Цит. по: 3, с. 66]. Уже в XV веке ни один закон в королевстве не мог быть принят без одобрения палаты общин.

Все эти нововведения не могли не отразиться на характере центрального жанра законодательного дискурса - закона (статута), который, утратив индивидуально-авторские черты, превратился в набор обезличенных установлений, потеряв при этом «человеческое лицо».

Ярким примером подобного коллективного творчества является один из документов эпохи Английской Реформации - *Sacrament Act* (полное название - *Act against Revilers, and for Receiving in Both Kinds*) 1547 года. Приведем отрывок из данного закона:

The saide blessed Sacrament shoulde be ministred to all Christen people under bothe the kyndes of Breade and Wyne, under the forme of breade onelie; And also it is more agreable to the first Institucion of Christe and to thusage of Thapostells and the primative church that the people being present shoulde receive the same with the preist that the Priest should receive it alone; Therefore be it enacted by our saide Souvarigne Lorde the King with the consent of the Lordes spirituall and temporall and the Commons in this present parliament assembled and by thauctoritie of the same, that the saide moste blessed sacrament be hereafter commenie delivered and ministred unto the people, within this Church of Englande and Irelande and other the Kings Dominions, under bothe the Kyndes, that is to saie of breade and wyne, excepte necessitie otherwise require...

Данный документ представляет собой систематическое изложение догматов англиканского вероисповедания, утвержденный парламентом и подписанный королем Эдуардом VI. Однако вопрос об его авторстве остается открытым. Указание в его тексте на субъектов, тем или иным образом участвующих в создании данного статута - короля и членов парламента (*enacted by our saide Souvarigne Lorde the King with the cosent of the Lordes spirituall and temporall and the Commons*), не позволяет однозначно ответить на вопрос «Кто говорит?». Пассивные конструкции (*be ministred, be it enacted, be delivered and ministred*) делают содержащиеся в тексте предписания независимыми от чьей-то субъективной воли и не контролируемые ей.

Рассматриваемые языковые конструкции не только не проявляют признаков утраты продуктивности в дальнейшем в законодательном дискурсе, но, напротив, продолжают развиваться, постепенно вытесняя из законодательных текстов личные предложения.

Так, примером децентрации субъекта в законодательном дискурсе является Закон о свободе вероисповедания США (The Virginia Statute for Religious Freedom) 1786 года. Данный закон в его первоначальном варианте был написан Томасом Джефферсоном в 1777 году. Генеральная ассамблея штата Вирджиния приняла его в 1786 году, однако предварительно исключив ряд важных положений из оригинального текста. Приведем фрагменты текста закона:

Whereas, Almighty God hath created the mind free, (and manifested his supreme will that free it shall remain by making it altogether insusceptible of restraint) that all attempts to influence it by temporal punishments... are a departure from the plan of the holy author of our religion <...>. **Be it enacted by General Assembly** that no man shall be compelled to frequent or support any religious worship, place, or ministry whatsoever, nor shall be enforced, restrained, molested, or burthened in his body or goods, nor shall otherwise suffer on account of his religious opinions or belief <...>. **We** are free to declare, and do declare that the rights hereby asserted, are of the natural rights of mankind...<...>.

Высказывания, заключенные в круглые скобки, составляют часть оригинального текста, написанного Т. Джефферсоном. Внесенные изменения искажают произведение автора, что не позволяет говорить об абсолютном характере авторства Джефферсона в отношении данного закона. Более того под законом стоят подписи Арчибальда Кери, спикера сената, и Бенджамина Харрисона, спикера палаты представителей штата Вирджиния. Возникает правомерный вопрос - Кто субъект этого дискурса? - Томас Джефферсон, написавший оригинальный текст закона, Генеральная ассамблея, одобрявшая его, или Кери и Харрисон, подписи которых стоят под текстом? Языковые характеристики дискурса также не позволяют установить субъекта данного дискурса. Несмотря на заполненную синтаксическую позицию субъекта в ряде высказываний, субъект не очевиден. Употребляемые в тексте личные местоимения we, our отсылают нас к некоему коллективному субъекту, идентифицировать которого не представляется возможным в силу отсутствия стоящего за ним имени.

Вопрос о степени децентрации субъекта конституции решается не так однозначно. Это связано прежде всего с заполненностью синтаксической позиции субъекта конституционной преамбулы. Однако несмотря на данный факт их следует относить, как нам представляется, к дискурсу с референтно размытым субъектом. В качестве примера приведем преамбулу Конституции США:

We the People of the United States, in Order to form a more perfect Union, establish Justice, insure domestic Tranquility, provide for the common defence, promote the general Welfare, and secure the Blessings of Liberty to ourselves and our Posterity, do ordain and establish this Constitution for the United States of America.

Преамбула Конституции США, как и преамбулы ряда других конституций (России, Индии, Украины, Франции) - один из примеров ложной персонификации субъекта. Наличие заполненной синтаксической позиции субъекта действия как бы снимает вопрос об авторстве Конституции. Тем не менее, ответ на вопрос: «Кто говорит?» остается без ответа. Простое здравое размышление и правовая практика подсказывают, что народ никак не мог быть автором Конституции. Даже авторство «отцов-основателей» не является безусловным. Как показывают протоколы Конституционного Конвента, каждая статья, раздел, каждое предложение, и даже отдельное слово текста Конституции явились результатом их бурных дебатов и бесконечных компромиссов. И, исходя из данных дневников, воспоминаний и писем «отцов-основателей», лишь немногие остались довольны окончательной редакцией Конституции. Таким образом, установление точного авторства американской конституции - задача более чем трудная. Указание народа в качестве субъекта конституционного дискурса не только не указывает на реальных субъектов, но и является своего рода политическим ходом, характерным для демократической системы.

В процессе эволютивной юридикации законодательных текстов происходит все больший их отход от субъекта дискурса. Наметившись как историческая необходимость в результате перехода к парламентаризму, опущение субъекта превратилось в объективное требование организации текста. Как писал известный французский лингвист Шарль Балли, "язык официальный резко отличается от общеупотребительной речи и обладает ярко выраженной социальной окраской, он владеет совокупностью речевых фактов, служащих для того, чтобы в точных и безличных формулах выражать обстоятельства, которые накладывают на человека жизнь в обществе, начиная с нотариальных актов и полицейских уложений и кончая статьями кодекса и конституции".

Правовая система стремится к тому, чтобы ее предписания были в максимальной степени объективными, что достигается благодаря изложению их в виде из пассивных и безличных конструкций. Пассивизация создает впечатление отчуждения от процесса порождения юридического дискурса не чуждого ошибок индивида [9, p. 74]. Безличные конструкции (*Any person who does X shall be guilty of a misdemeanor*) делают закон в высшей степени беспристрастным. Хотя, ради справедливости, следует заметить, что подобные огульные обобщения менее эффективны, чем предупреждения типа «*If you do the following, I will throw you into prison*».

Надо отметить, что подобная неопределенность, размытость, в отношении субъекта дискурса присуща юридическому языку в целом. Ведь закон - это продукт дискуссий и компромиссов. Не всегда в процессе его создания удается устранить все противоречия. Нивелировать возникшие разногласия помогает язык, а именно размытые очертания его формулировок.

Однако нельзя полностью отказаться от понятия субъекта применительно к законодательному дискурсу. Его существование детерминировано сущностью закона в широком его понимании как права, извне переданного человеку и приоритетного к человеческим установлениям. «Закон - владыка над правителями, а они - его рабы», - писал Платон в диалоге «Законы». Правители, даже лучшие, подвержены чувствам и аффектам, закон же - «уравновешенный разум... < > ... Закон должен властвовать над всем [1]. Он есть «человеческий разум, поскольку управляет всеми народами земли, а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума» [5].

И когда Р. Барт говорит о том, что текст не вынашивается уже автором, применительно к тексту закону, как нам кажется, речь идет о том, что на стадии его порождения сюда вмешивается НЕЧТО, которое диктует что-то свое, становится истинным его субъектом. Это НЕЧТО и есть, на наш взгляд, Закон как человеческий разум, как Абсолютный Дух.

Принцип верховенства закона сводит роль законодателя как субъекта дискурса в традиционном понимании до скрипторской функции. Через скрипторов закон обращается к человеку. Поэтому скрипторы, добиваясь абсолютности и объективности Духа Закона, прибегают к помощи тех языковых средств, которые их обеспечивают.

В силу вышесказанного мы вправе заключить, что субъект законодательного дискурса не может рассматриваться как опустошенная категория, он присутствует в дискурсе, влетает в его структуру, находит себе скрипторов, которым диктует волю, требующую объективного выражения. Однако на языковом уровне имеет место его полная децентрация, стирание всех его индивидуальных характеристик, о чем в частности свидетельствуют незаполненная Я-валентность или референтно-размытое, субъектно-опустошенное местоимение *We*.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1984. Т. 4.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
3. Гунтова Е. В. Английское государство в 14-15 вв. // Средние века. М., 1987. Вып. 50.
4. Мальковская И. А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М.: КомКнига, 2005.
5. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999.
6. Лоцилина А. Н. Философия творчества: монография / А. Н. Лоцилина, Н. Ф. Французова. М.: ФО, 2002.
7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
8. Tiersma P. M. Legal language. Chicago: University of Chicago Press, 1999.
9. Charter of liberties [Электронный ресурс]. URL: <http://www.britannia.com/history/docs/charter.html>
10. Act against revilers, and for receiving in both kinds 1547 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statutelaw.gov.uk/leg>
11. The Virginia statute for religious freedom 1786 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lva.virginia.gov/lib-edu/education/bor/vsrfext.htm>
12. Constitution of the USA [Электронный ресурс]. URL: <http://www.usconstitution.net/const.html>

УДК 82-84

Ирина Алексеевна Крым

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКА О ТРУДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК)[©]

Пословицы и поговорки занимают особое место среди различных жанров народного творчества. Родившись в гуще народной жизни, они широко употребляются не только в сферах устной речи, но и в художественных произведениях, в публицистике, в средствах массовой информации.